

УДК 303+168[521+522]

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ХАЙЕК, ФРИДРИХ АВГУСТ ФОН.
КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ НАУКИ.**

ЭТЮДЫ О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ РАЗУМОМ

Михальчук Н.М.

Австро-английский экономист и социальный мыслитель Хайек ставит задачу критики «сциентизма», т.е. неправомерного переноса методов естественных наук в науки гуманитарные. Для решения задачи Хайек разбирает историю формирования естественных наук и их размежевания с науками исторического опыта (юриспруденцией, историей, классической литературой).

Ключевые слова: Хайек, сциентизм, метод, науки о природе, общественные науки.

**REVIEW ON “THE COUNTER-REVOLUTION OF SCIENCE.
STUDIES ON THE ABUSE OF REASON”
BY FRIEDRICH AUGUST VON HAYEK**

Mihaltchuk N.M.

The Austrian-English economist and social thinker Hayek sets the problem of "scientism" criticism, i.e. an illegal shift of methods from natural science to humanities. To solve this problem Hayek analyses the history of natural sciences and their separation from studies that are corroborated by historical experience (like jurisprudence, history, classic literature).

Keywords: Hayek, scientism, method, science, human studies.

Хайек Ф.А. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом / Пер. с англ. Е. Николаенко. М.: ОГИ, 2003. 288 с.

Фридрих Август фон Хайек (Friedrich August von Hayek) (1899-1988) – экономист, социальный мыслитель и историк идей. Лауреат Нобелевской премии по экономике 1974 года. Рецензируемая книга состоит из семнадцати

очерков, разбитых по трем главам. Первые две главы составляют очерки Хайека 1941-1944 гг., третью – очерк 1951 года.

Первые десять очерков объединены в первую главу под названием «Сциентизм и изучение общества». В них Хайек обсуждает разницу в методах естественных (экспериментальных) и гуманитарных наук (наук исторического опыта) и показывает последствия «злополучного и неправомерного» смешивания этих методов. Во второй главе (шесть очерков, с одиннадцатого по шестнадцатый) Хайек обсуждает историю возникновения французского (и по большому счету, европейского) сциентизма после Великой Французской революции. В третьей главе (семнадцатый очерк) «Конт и Гегель» Хайек пишет о том, как две соперничающие мысли, основанные великими философами, незаметно усиливали позиции друг друга. В данной рецензии мы ограничились разбором первой главы.

В первом очерке первой части «Влияние естественных наук на общественные» автор напоминает, что само понятие «Science» складывается не ранее первой половины XIX века. С этого момента особое значение получает вопрос о границах научных дисциплин. Прежде исследователи общества (Юм, Адам Смит, Тюрго) не задавались вопросом о связи их методов с естественнонаучными исследованиями. Если им приходилось выходить за рамки своего предмета, они могли использовать термины «естественная философия» и «моральные науки». В XVIII веке растет внимание к успехам биологических и физических дисциплин. Их достижениям приписывается особое значение. Использование их методов сулит постоянный прирост знаний (прогресс). Но, подчеркивает Хайек, необходимо различать позицию специалистов от мнений растущего числа их поклонников; голоса тех, кто требовал подражать научным методам, редко оказывались голосами признанных ученых.

Так Ф. Бэкона Хайек называет предтечей «демагогов от науки», которые «слепо подражали научным методам, а не следовали духу науки» [1, с. 30]. Научные взгляды пропагандистов науки отнюдь не являются безупречными.

Так, например, Бэкон не принял коперниковскую астрономию, а Конт полагал необходимым запретить чересчур скрупулезные исследования с использованием микроскопа. У самих исследователей, подчеркивает Хайек, вполне могли быть – и в этом нет ничего противозаконного – иллюзии касательно методов своей работы. Для обозначения псевдонаучной позиции, Хайек использует понятие «сциентизм»: такое мышление еще «до рассмотрения своего предмета претендует на точное знание того, каким способом его исследовать» [1, с. 32]. В практической области соответствующее явление обозначается им как «инженерный склад ума» (что не следует путать с инженерным образованием или способом решения инженерных задач).

Второй очерк первой части – «Предмет и метод естественных наук» трактует борьбу ученых XVI-XVIII века со средневековыми концепциями естествознания. Для философов науки XXI века свойственно обсуждать последствия широкого распространения научных теорий и последствия вторжения научных понятий в формирование обыденного хода мысли (закон всемирного тяготения, теория эволюции, принцип относительности, психоанализ, генетика). В конце XVIII ситуация была противоположной. Богословие и юриспруденция задавали тон научному мышлению по праву наиболее развитых дисциплин. (В.Н. Тростников пишет о запрете на анатомирование тела человека, который был наложен католическим богословием) Эти влияния в области методологии, Хайек сводит к трем пунктам.

Во-первых, значительную часть любого исследования составлял доскональный анализ взглядов других ученых, «великих людей прошлого». Во-вторых, предполагалось, что идеи обладают самостоятельной реальностью и их анализ должен привести к постижению вещей. Третью характеристику Хайек называет «антропоморфизмом» – приписывание человеческих форм поведения инородным объектам. Эта черта мышления находит свое отражение в современном языке – «идет дождь», «солнце взошло». Стремясь избавиться от диктата богословия, естествоиспытатели стремились опровергать любые

теории, утверждавшие хотя бы частичную роль высшего разума в качестве первопричины движения тел. Это породило отказ от операции «объяснения» в пользу «описания».

Хайек подчеркивает, что «новая наука» XVI-XVIII века отталкивается от обыденного мышления. Такую науку не интересует, как «неспециалисты» представляют себе мир и как они действуют в соответствии с этими представлениями в мире. Цель новой науки – исправить ошибочную картину мира. «По-новому организовать весь наш опыт взаимодействия с внешним миром» [1, с. 40]. Один из современных американских физиков пишет о том, как отец учил его не обращать внимания на названия, которые люди дают животным. Слова говорят только о людях, но ничего о животных.

Общественные науки, пишет Хайек, с момента своего возникновения, имели дело с отношениями между людьми (а не между телами), или людьми и вещами. Эта тема обсуждается им в очерке «О субъективном характере данных, с которыми имеют дело общественные науки». Хайек пишет, что мы замечаем в человеке два различных ряда явлений, явления материального и явления нравственного порядка. Следовательно, некоторые стороны жизни человека подчиняются математическим и естественным закономерностям и могут быть изучаемы с помощью соответствующих методов (например, половозрастной состав населения, питание, наследственность). Но к проблеме построения человеческих отношений эти методы не применимы.

Хайек полагает, что исследователь, который исходит из некоего «наиндивидуального сознания», который полагает это сознание как некий (якобы установленный им в рамках своей дисциплины!) факт, лишает себя возможности постигнуть поступки и действия других людей. Такого исследователя интересует некая общность и ее железные законы. Ему нет нужды вступать в разговор с «отдельными представителями» изучаемого целого, ведь они – суть проявление закона, который и необходимо открыть.

Возражение Хайека заключается в том что, социальный факт есть не факт истории, а философская конструкция не замечающая, что каждое слово и

действие «было словом и действием отдельного человека» [1, с. 53]. Если же мы будем полагать существование некоего единственного правильного «ума» (reason), то мы лишимся возможности постигнуть других людей и другие общества. Какими бы несуразными не казались исследователю, например, обряды, необходимые для получения урожая, но, если определенная группа людей уверена, что земля не будет плодоносить до тех пор, пока не будут произнесены заклинания, «нам следует считать это столь же важным, как и любой закон природы, который мы считаем в данный момент верным» [1, с. 49].

Вопрос о вынесении исследователем суждения об истинности или ложности Хайек считает важным, но отдельным от разбираемого вопроса. В данном примере важнее всего то, что магические обряды придают (вот этим) людям реальную уверенность в себе и способность трудиться. Кроме того, исследователь, по мысли Хайека, должен понять и признать, что уже до него люди, составляющие (активно составляющие) это общество, предпринимали многочисленные попытки (в какой-то мере сходные с его собственной попыткой) дать объяснение факту существования своего совместного существования. Поэтому, среди всего множества «мнений», предстающих взгляду исследователя, необходимо различать те, которые движут индивидами и те, которые являются продуктом объяснительной деятельности индивидов. Первые Хайек называет – «мотивирующими» или «конститутивными», вторые – «объяснительными». Цель исследователя – первые, но игнорировать вторые он не может.

Экономика, по мнению, Хайека, наиболее теоретически разработанная «субъективная» наука. Вопреки частому мнению, экономисты не занимаются «маленькими металлическими кружочками». Экономист может получить исчерпывающие данные о нефти, земле или лесе, но это нисколько не приблизит его к пониманию ценообразования (равно как и попытки давать предсказания на основании математических уравнений). Ссылаясь на В.Парето, Хайек пишет, что даже системы из десятков тысяч уравнений, позволяющие

понимать общие принципы ценообразования, не могут быть использованы на практике. Поэтому точная трактовка вопроса требует установить пожелания потребителей и обладателей того или иного блага, а также их намерения и взаимоотношения. Цена зависит от того, что думают обладатели и те, кто имеет потребность в том или ином благе, что они намереваются сделать с благом и что каких действий ожидают друг от друга.

Эту тему продолжает и следующий очерк. В нем Хайек критикует такие направления общественных наук как бихевиоризм и физикализм. Также Хайек подвергает критике апелляции сциентизма к измерениям и математическим данным. Измерения и количественные процедуры сами по себе, замечает Хайек, еще не обеспечивают строгости исследования. Если вопрос о смысле данных получает второстепенное значение, то научная ценность полученных результатов рискует приблизиться к вычислениям Платона о том, что справедливый правитель в 729 раз счастливее несправедливого.

Вышеуказанные особенности сциентизма тесно связаны с мыслительной привычкой, которую Хайек обсуждает в шестом очерке «Коллективизм сциентистского подхода». Речь идет о разнице между общественными и научно-естественными понятиями. В первом случае, понятие соответствует природному явлению, которое обнаруживает себя через ряд чувственных признаков. Эти признаки могут быть обнаружены независимо от наблюдающего субъекта. Но понятия общественных наук не могут быть установлены подобным путем. Значение этих понятий заключается в установлении связи между разрозненными классами вещей, лишенных непосредственно единства. Они тесно связаны с понятиями обыденного мышления, (которое, по свидетельству Хайека, способно верно устанавливать неочевидные связи).

Заблуждение сциентистски-ориентированного мыслителя заключается, по Хайеку, в том, что в стремлении установить целостность, он некритично относится к понятиям обыденного мышления. Слыша разговор об «обществе, нации или капитализме», он полагает, что обнаружил некое явление, твердый

факт. Он толкует эти явления так, будто они суть объекты непосредственно воспринимаемые как целое [1, с. 76]. На деле, неугодные мнения, выгнанные через дверь, возвращаются через окно в цитадель чистой науки (ср. Геродота: «Я обязан передавать то, что говорят, но верить всему не обязан»).

Со стремлением увидеть изучаемый объект целиком, пишет Хайек, связана «позитивистская мечта» об удаленном (не включенном) наблюдателе, способном увидеть свой объект со стороны. Впрочем, сами позитивисты отмечали несбыточность этой мечты, как и то, что «взгляд с Луны» лишил бы взгляд наблюдателя всех подробностей, и он не увидел бы ничего, кроме существ, «которые в высшей степени закономерно вырастают, питаются и размножаются» [1, с. 83]. Претензию статистики на выявление целостности Хайек находит неоправданной. Эта дисциплина позволяет выявлять свойства отдельных элементов и частоту появления элементов с интересующим нас набором характеристик. Но отношения между отдельными индивидуумами статистика показать не способна. Более того, она предполагает свойства частей постоянными, независимыми от характера их взаимодействия с другими частями и положения в структуре.

Еще одна попытка обрести объективность была, по мнению Хайека, реализована сциентизмом в ходе интервенции в исторические науки. В седьмом очерке «Историцизм сциентистского подхода» Хайек стремится показать каким образом исследуемое им тенденция превратила науку об индивидуальном в инструмент нивелирования всего индивидуального. Исторический подход, пишет Хайек, потерял всякий интерес к индивидуальному Уму (*mind*) и в желании заменить его неким отстраненным Разумом (*reason*), парадоксальным образом, породил релятивизм.

В восьмом очерке «Целедостигающие социальные образования», девятом «Сознательное управление и развитие разума» и десятом «Инженеры и плановики» очерке автор рассматривает практические положения, вытекающие из вышеописанных теоретических воззрений. Они тесно связаны с неспособностью уяснить, как «независимые действия многих людей могут

складываться в согласованные целостности, устойчивые структуры отношений, служащие человеческим целям, хотя они никем для этого не предназначались» [1, с. 107]. Хайек выделяет следующие предрассудки; во-первых, общество и его законы (деньги, нравы, язык, рынок) – результат сознательных намерений, осуществленных по заранее обдуманному плану; во-вторых, все созданное по плану имеет превосходство над спонтанным; в-третьих, человеческий разум способен постигнуть свое прошлое и будущее и контролировать свое собственное развитие.

Хайек полагает, что разум не может вытянуть сам себя за волосы и выдвигает следующие возражения (в опоре на тезис английского политэконома и моралиста Адама Смита: человек в обществе постоянно способствует достижению целей, которые не входят в его намерения). Во-первых, человек незаслуженно льстит себе, когда объявляет цивилизацию причиной своего замысла. Во-вторых, знание, накопленное цивилизацией, рассеяно среди множества людей и не поддается систематизации со стороны отдельного разума. Индивидуальный разум «не существует вне межличностного процесса» в ходе, которого и происходит «объединение и взаимосогласование знаний сменяющих друг друга поколений, так и миллионов людей, живущих одновременно» [1, с. 120]. В-третьих, признание общественных процессов надындивидуальной реальностью, лишает индивидуума возможности их контролировать. «Самонадеянное притязание на то, что бы "разум" управлял собственным развитием на практике, может привести только к тому, что он положит этому развитию предел» [1, с. 119] (пример Хайека: отказ соблюдать существующие нравственные правила на основании того, что для них не найдено рационального объяснения).

В последнем очерке второй части «Инженеры и плановики» Хайек разбирает особенности работы по специальности инженера, а так же каким образом инженеры стремятся экономикой. По словам Хайека, задача инженера – находить максимально простые решения. Он ценится тем больше, чем выше его способность выстраивать алгоритм получения единообразного результата

независимо от окружающих условий и обстоятельств. В противовес «инженеру» автор выдвигает деятельность и знание «купца» – знатока конкретных обстоятельств и условий, «чье знание всегда будет считаться знанием второго сорта в век науки, поскольку не может быть сформулировано в виде общих положений, не приобретается раз и навсегда» [1, с. 129].

Список литературы:

1. Хайек Ф.А. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом / Пер. с англ. Е. Николаенко. М.: ОГИ, 2003. 288 с.

Сведения об авторе:

Михальчук Николай Михайлович – аспирант кафедры философии Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия).

Data about the author:

Mihaltchuk Nikolay Mihailovitch – graduate student of Philosophy Department, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia).

E-mail: michalchyk@gmail.com.